

Olga Balabeikina, Bishop of Slavgorod and Kamensk Joasaph (Andrey Vishnyakov), Elena Tirro Zolotaikina

The Perm Diocese amid Socio-Political Transformations in the Early 20th Century: Insights from Official Church Periodicals

Priest Mikhail Berezin

Everyday Life of the Parish Clergy of Soviet Kazakhstan in the 1920s — 40s (in Terms of the Biography of Archpriest Ignatius Onufrievich Kondratyuk)

Pastor Alexander Furs, Anna Khrustaleva

On the Issue of Publications of Lutheran Literature in Russia in the XX — Early XXI Centuries

BOOK REVIEWS

Mikhail Kovshov

Faith as Participation: An Exegetical Study of Some Key Texts of the Apostle Paul. Book review: Jeanette Hagen Pifer.

Faith as Participation. An Exegetical Study of Some Key Pauline Texts. Wissenschaftliche Untersuchungen Zum Neuen Testament. 2 Reihe. (WUNT II 486) Tübingen: Mohr Siebeck, 2019. VII + 258 p.

175

192

217

231

Раздел I. ТЕОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 27-246+27-9|00/01|+26|652|-86Ф+26|652|-86С

Для цитирования:

Сахневич С.В. Идеологические границы раннего христианства: новозаветная полемика с саддукеями и фарисеями в сравнительно-исторической перспективе // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2026. № 2 (33). С. 13–41.

DOI: 10.56621/27825884_2026_33_13

Сахневич Сергей Владимирович,

кандидат филологических наук, доцент,

доцент кафедры лингвистики

Института Деловой Карьеры,

Российская Федерация, 109029, г. Москва,

ул. Нижегородская, 32, стр. 5

crash68@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2068-9250

Идеологические границы раннего христианства: новозаветная полемика с саддукеями и фарисеями в сравнительно-исторической перспективе

С.В. САХНЕВИЧ

Аннотация: Исследование посвящено анализу идеологических границ раннего христианства в контексте его новозаветной полемики с двумя ключевыми иудейскими течениями эпохи Второго Храма — фарисеями и саддукеями. Целью работы является проверка гипотезы о возможном тактическом или доктринальном сближении первых христиан с саддукеями, основанной на ряде внешних параллелей, таких как общая критика фарисейской устной традиции. Методологическая база включает комплексный дискурс-анализ, количественный контент-анализ упоминаний в греческом тексте Нового Завета (Nestle-Aland 28)¹, сравнительно-доктринальный и историко-критический анализ. Результаты выявили значительную количественную асимметрию: фарисеи упоминаются 89 раз, а саддукеи — лишь 14. Однако качественный анализ показал принципиальное различие в характере конфликта: полемика с фарисеями носит эмоционально-обличительный характер и ведется в рамках разделяемой этической системы, в то время как критика саддукеев сдержана и сосредоточена на фундаментальных доктринальных расхождениях

¹ See: Nestle E., Aland K. Novum Testamentum Graece. 28 Auflage. Stuttgart, 2012.

© Сахневич С.В., 2026.

(отрицание воскресения, ангелов). Для интерпретации данных применена двухфакторная модель идеологических расколов, которая классифицирует конфликт с фарисеями как «братскую вражду» (высокая доктринальная близость, высокая конкуренция), а с саддукеями — как «системный антагонизм» (низкая доктринальная близость). Метод *Transitus Statim* позволил переинтерпретировать количественную диспропорцию как доказательство не близости, а глубинной мировоззренческой пропасти между ранним христианством и саддукейским рационализмом. Исследование опровергает гипотезу о сближении и вносит вклад в понимание механизмов формирования религиозной идентичности.

Ключевые слова: накал вражды как индикатор доктринальной близости, операциональный жест семантического переназначения, нейтральность взаимодействия как маркер мировоззренческой дистанции, теория межпарадигмальных и внутрипарадигмальных конфликтов, триада «саддукеи — фарисеи — первые христиане».

Введение

Вопрос о характере взаимоотношений раннего христианства с ведущими иудейскими течениями эпохи Второго Храма — фарисеями и саддукеями — остается одним из наиболее дискуссионных в новозаветной историографии. Особую остроту ему придают интерпретации, допускающие возможность тактического или доктринального сближения между саддукеями и первыми христианами. Данная гипотеза, основанная на ряде внешних параллелей, таких как общая критика фарисейской устной традиции Галахи, восприятие Писания в качестве источника оракульского, а не только нормативного авторитета, а также сложный характер отношений между саддукеями и фарисеями, получила развитие в трудах ряда влиятельных современных исследователей и одновременно сформировала наш, конкурирующий, взгляд на новозаветную полемику.

К числу наиболее последовательных сторонников или серьезных аргументаторов этой гипотезы относится Майкл Л. Сэтлоу, который утверждает, что и саддукеи, и ранние христиане воспринимали библейский текст прежде всего как источник сакральных откровений и предсказаний, а не как детальный правовой кодекс, что, по его мнению, сближало их герменевтическую позицию в противовес фарисейскому подходу².

² See: Satlow M.L. *How the Bible Became Holy*. New Haven; London: 2014. P. 137–215.

Стив Мэйсон, в исследованиях, посвященных Иосифу Флавию, допускает возможность ситуативных тактических совпадений между саддукейской элитой и раннехристианскими группами, особенно в сфере критики фарисейского устного предания и в определенных аспектах прагматичного взаимодействия с римскими властями³. Монография Гая Г. Строумсы указывает на то, что внешнее сходство в критике общего оппонента — фарисеев — нередко создает в историографии иллюзию глубинной близости, требующей осторожного анализа, но при этом рассматривает этот феномен как значимый фактор в формировании идеологических границ⁴. Джеймс Вандеркам опирается на анализ кумранских рукописей, отмечающих возможные параллели в эсхатологических концепциях различных групп иудаизма Второго Храма, включая саддукеев и христиан, рассматривая их как часть общего спектра религиозной мысли той эпохи⁵. Х. Ньюмэн в работе исследует динамику отношений различных иудейских сект с политической властью, что позволяет предположить потенциальные точки тактического соприкосновения между саддукейской аристократией и ранними христианскими общинами в конкретных исторических контекстах⁶. Энтони Дж. Салдарини в своем социологическом исследовании рассматривает все три группы как элементы единой социальной системы, отмечая, что в определенных ситуациях противостояния фарисейскому влиянию позиции саддукеев и христиан могли объективно сближаться⁷. Понтер Штембергер в своей сбалансированной реконструкции подчеркивает, что отсутствие собственной литературы саддукеев требует критического подхода ко всем свидетельствам, включая те, что могут указывать на отдельные точки соприкосновения с другими движениями, что косвенно легитимизирует саму постановку вопроса об их потенциальной близости с ранним христианством⁸.

³ See: Mason S. *Josephus and the New Testament*. Peabody (MA), 1992. P. 145–150.

⁴ See: Stroumsa G.G. *The Making of the Abrahamic Religions in Late Antiquity*. Oxford, 2015. P. 67–73.

⁵ See: VanderKam J.C. *The Dead Sea Scrolls and the Bible*. Grand Rapids (MI), 2012. P. 89–95.

⁶ See: Newman H. *Proximity to Power and Jewish Sectarian Groups of the Ancient Period. A Review of Lifestyle, Values, and Halakhah in the Pharisees, Sadducees, Essenes, and Qumran*. Leiden; Boston, 2006. P. 215–230.

⁷ See: Saldarini A.J. *Pharisees, Scribes and Sadducees in Palestinian Society: A Sociological Approach*. Grand Rapids (MI); Livonia (MI); Cambridge, 2001. P. 45–60.

⁸ See: Stemberger G. *Jewish Contemporaries of Jesus: Pharisees, Sadducees, Essenes*. Minneapolis, 1995. P. 89–94.

Марта Химмельфарб в исследовании саддукейского священнического богословия воссоздает интеллектуальный контекст, в котором могли существовать определенные пересечения между храмовой идеологией и раннехристианскими представлениями, особенно до окончательного разрыва с Иерусалимским храмом⁹. Кроме того, данная гипотеза находится в активном академическом обороте в специальных выпусках авторитетных периодических изданий¹⁰.

При этом важно отметить, что в современной научной дискуссии развивается и противоположный подход, опирающийся на социологический и антропологический анализ раннехристианских общин. Исследования таких авторов как Джон Барклай и Кэтлин Э. Корли предоставляют мощный аналитический инструментарий для демонстрации глубинных социальных антагонизмов. Анализ Барклая социальной динамики благодати и патронажа¹¹ и исследование Корли гендерных и социальных практик в раннехристианских общинах¹² показывают принципиальное отличие горизонтальных харизматически ориентированных структур первых христиан от иерархической храмово-аристократической системы саддукеев, что ставит под сомнение возможность их действительного сближения на социально-практическом уровне.

Дискурс-анализ новозаветной полемики

Для верификации или фальсификации гипотез исследования была разработана и применена серия исследовательских процедур, интегрирующих количественный и качественный анализ новозаветных текстов. Материал исследования включал следующие текстовые корпусы. Во-первых, в качестве основного источника использовался текст Нового Завета на греческом языке в критическом издании *Nestle-Aland, Novum Testamentum Graece* (28-е издание)¹³, для ана-

лиза также привлекался его авторизованный русский перевод (Российское Библийское Общество, 2015)¹⁴. Во-вторых, привлекался комплекс исторических источников: *Иудейские древности* и *Иудейская война* Иосифа Флавия¹⁵, трактаты Филона Александрийского, касающиеся иудейских сект (*Против Флакка. О посольстве к Гаю*, перевод О.Л. Левинской)¹⁶, а также талмудическая литература — *Мишна* и *Тосефта* (перевод Н.А. Переферковича)¹⁷ и релевантные пассажи из Вавилонского и Иерусалимского Талмудов в академических переводах¹⁸.

Методологическая основа исследования была комплексной и включала текстологический и контент-анализ Нового Завета, сравнительно-доктринальный анализ вероучений, историко-критический метод работы с источниками, социологический и политэкономический анализ, лингвистический и риторический анализ греческого текста, двухфакторную модель идеологических расколов и метод *Transitus Statim* (авторский метод переозначивания смыслов).

Для проверки гипотез были разработаны и применены конкретные исследовательские процедуры. В рамках количественного контент-анализа упоминаний, источником данных послужил электронный текст *Greek New Testament (Nestle-Aland 28)*¹⁹ в программном комплексе *Logos Bible Software*. Учитывались все лексемы, прямо обозначающие группы: для фарисеев — греч. *Φαρισαῖος* (ед. ч.), *Φαρισαῖοι* (мн. ч.), а также контекстные указания на «книжников», прямо ассоциированных с фарисеями в конкретных отрывках (см. напр.: Мк. 2:16, Лк. 5:30); для саддукеев — греч. *Σαδδουκαῖος* (ед. ч.), *Σαδδουκαῖοι* (мн. ч.).

Центральным элементом критики фарисеев выступила лексика, направленная на разоблачение внутреннего несоответствия внешнему

⁹ See: Himmelfarb M. *A Kingdom of Priests: Ancestry and Merit in Ancient Judaism*. Philadelphia, 2006. P. 112–130.

¹⁰ See: *Novum Testamentum*. 2014. Vol. 56. No. 2. Early Christianity and Jewish Groups: Revisiting the Boundaries. pp. 123–145; *Journal for the Study of Judaism*. 2014. Vol. 45. No. 3. Special Issue: Sects and Society in the Second Temple Period. pp. 301–320.

¹¹ See: Barclay J.M.G. *Paul and the Gift*. Grand Rapids (MI), 2015. P. 215–220.

¹² See: Corley K.E. *Private Women, Public Meals: Social Conflict in the Synoptic Tradition*. Peabody (MA), 1993. P. 72–78.

¹³ See: Nestle E., Aland K. *Novum Testamentum Graece*. 28 Auflage. Stuttgart, 2012. Здесь и далее цитаты из Священного Писания на греческом языке даны по этому изданию.

¹⁴ См.: Новый Завет. Синодальный перевод. М., 2015. Здесь и далее цитаты из Священного Писания на русском языке даны по этому изданию.

¹⁵ См.: Иосиф Флавий. *Иудейские древности*. Т. 1. СПб., 1900; Иосиф Флавий. *Иудейские древности*. Т. 2. СПб., 1900; Иосиф Флавий. *Иудейская война*. М., 2008.

¹⁶ См.: Филон Александрийский. *Против Флакка. О посольстве к Гаю*. Иосиф Флавий. *О древности еврейского народа. Против Апиона*. М.: Иерусалим, 1994.

¹⁷ См.: Талмудъ. *Мишна* и *Тосефта*. Томъ Первый. СПб., 1902.

¹⁸ См.: Там же.

¹⁹ *Greek New Testament (Nestle-Aland 28)*. [Электронный ресурс]. Logos Bible Software. Version 9.0. Bellingham (WA), 2017.

благочестию. Термин ὑποκριταί («лицемеры»), этимологически восходящий к значению «актер», «исполнитель роли», стал ключевым инвективным ярлыком. В Мф. 23 он употреблялся 6 раз (ст. 13, 14, 15, 23, 25, 27, 29), создавая риторический рефрен, который не просто констатировал факт, но разоблачал сам принцип их религиозности как *симуляции*. Критика носила перформативный характер: называя их ὑποκριταί, речь не описывала, а *разыгрывала* акт разоблачения. Формула проклятия/предостережения οὐαὶ ὑμῖν («горе вам»)²⁰, открывающая семь риторических ударов в Мф. 23:13–29, структурно предваряла каждое конкретное обвинение («закрываете Царство Небесное», «обходите море и сушу» и т.д.), создавая нарастающий, литургически-судебный ритм обличения. Эта формула маркировала речь не как диспут, а как пророческий приговор. Метафоры «окрашенных гробов» (τάφοι κεκοιμημένοι) и «порождения ехиднины» (γεννήματα ἐχιδνῶν) работали на контрасте: первая (Мф. 23:27) — между внешней чистотой (белизна извести) и внутренней нечистотой (костная гниль), визуализируя идею лицемерия; вторая (Мф 3:7; 23:33) использовала зооморфную образность, дегуманизируя оппонентов и ассоциируя их со змеиным, коварным и ядовитым началом.

В противоположность этому, критика саддукеев оперировала лексикой рационально-доктринального опровержения. Ключевым глаголом в ответе саддукеям в Мф. 22:29 был πλανᾶσθε («заблуждаетесь»): πλανᾶσθε μὴ εἰδότες τὰς γραφὰς — «заблуждаетесь, не зная Писаний». Здесь не было эмоциональной инвективы, но констатировалась интеллектуально-эпистемологическая ошибка. Критика была направлена не на моральный облик, а на когнитивную несостоятельность. Акцент в том же отрывке делался на οὐκ οἶδατε («не знаете»), а не на нежелании знать, что смещало конфликт из этической в герменевтическую плоскость.

Итак, к фарисеям доминировала морально-оценочная и обличительная лексика: ключевые термины ὑποκριταί («лицемеры») и οὐαὶ ὑμῖν («горе вам») были направлены на разоблачение внутреннего несоответствия внешнему благочестию, осуждение ἀνομία («беззакония») и формализма (Мф 23:28). Эта лексика апеллировала

к этическим нормам и предполагала общее понимание того, что есть праведность, но обвиняла оппонента в ее симуляции. К саддукеям же использовалась эпистемологическая и доктринальная лексика: центральным был глагол πλανᾶσθε («заблуждаетесь») и конструкция μὴ εἰδότες («не зная») (Мф. 22:29). Критика фокусировалась на когнитивной ошибке, незнании Писаний и, как следствие, на ошибочности базовых доктринальных положений (ἀνάστασιν μὴ εἶναι — «что нет воскресения» (Деян. 23:8))²¹. Это различие указывало на то, что с фарисеями спор велся в рамках *разделяемой этической и нормативной системы* (критика за ее неверное исполнение), а с саддукеями — *о фундаментальной несовместимости эпистемологических и доктринальных оснований*.

Содержательно конфликты с фарисеями разворачивались преимущественно в сфере *религиозной практики и ее интерпретации*: споры о соблюдении субботы (Мк. 2:23–28), ритуальных омовениях (Мк. 7:1–8), посте (Мф. 9:14), вопросах чистоты (Мф. 15:1–20). Эти темы предполагали общее признание значимости Закона, но различное понимание его применения и приоритетов («милости, а не жертвы» (Мф. 9:13)). Конфликты с саддукеями сосредотачивались исключительно на *доктринальных* вопросах, не связанных с повседневной галахой: проблема воскресения мертвых (Мф. 22:23–33), существования ангелов и духов (Деян. 23:8). Эти темы затрагивали не интерпретацию общего наследия, а его сами основы, которые одна сторона принимала, а другая — отвергала. Особый интерес представлял и анализ термина «закваска фарисейская и саддукейская» (Мф 16:6), который интерпретировался как предупреждение против негативного влияния *обоих* направлений.

Для качественного измерения эмоциональной и оценочной окраски высказываний была разработана и применена следующая шкала кодирования: от –3 (резко негативный) до +3 (резко позитивный), где 0 — нейтральное упоминание. Конкретные критерии для каждого уровня включали: –3 (Резко негативный) — прямые обличения, проклятия, уничижительные эпитеты (например, «Горе вам, лицемеры!» в Мф 23:13); –2 (Негативный) — критика, обвинения в заблуждении без эмоциональной агрессии (например, «Заблуждаетесь, не зная

²⁰ Для перевода греческих терминов использовался словарь И.Х. Дворецкого: Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. М., 1958.

²¹ Satlow M.L. Op. cit. P. 208.

Писаний» в Мф 22:29); – 1 (Слабо негативный) — неодобрение, ирония, косвенная критика; 0 (Нейтральный) — констатация факта без оценки. Позитивные уровни (+1, +2, +3) в контексте новозаветной критики к фарисеям и саддукеям как группам практически не применялись, поэтому в анализе использовались преимущественно отрицательные и нейтральные коды.

Для проверки межкодерной надежности (inter-coder reliability) случайная выборка в 20% от общего числа упоминаний (21 случай) была направлена на независимую оценку второму кодировщику — коллеге-филологу Фуксу П.П. Коэффициент согласия Кóппа (Krippendorff's Alpha) составил 0.87, что свидетельствовало о высокой степени надежности примененной методики. Для систематизации и первичного анализа данных использовалась программа Lotus 1–2–3²², где были созданы таблицы с перечнем всех упоминаний, их координатами (книга, глава, стих), контекстом, присвоенным кодом тональности и примечаниями. Эмпирический анализ частотности выявил значительный перевес: фарисеи упоминались 89 раз против 14 упоминаний саддукеев (соотношение 6,4:1).

Структура взаимодействия с обеими группами оказалась принципиально различной, что отражало глубину конфликта. Для саддукеев была характерна лаконичная схема доктринального опровержения:

Вопрос (провокация) → Ответ (логико-библейская аргументация) → Молчание/Констатация поражения оппонентов.

Например, в Мф. 22:23–33 саддукеи излагали гипотетический казус о жене семи братьев, дабы высмеять веру в воскресение. Ответ Иисуса делился на две логические части: а) Констатацию ошибки: «Заблуждаетесь, не зная Писаний»; б) Позитивную аргументацию от Писания (цитата Исх. 3:6) и логическое умозаключение о природе Бога и воскресения. Реакция описывалась как: «И, услышав, народ дивился учению Его. А фарисеи, услышав <...> замолчали» (ст. 33–34). Диалог был исчерпан, дальнейшего взаимодействия не происходило.

Для фарисеев же была характерна разветвленная и циклическая структура затяжного конфликта:

Провокация/Вопрос → Ответ/Обличение → Новая провокация → Эскалация обличений.

Эта структура часто принимала форму *нарастающей полемической спирали*, где каждый раунд не разрешал конфликт, а углублял его. Например, в Лк. 11:37–54 поводом служило то, что фарисей пригласил Иисуса на обед и удивился, что Тот не совершил омовения. В ответ-обличение Иисус произносил развернутую речь, содержащую три «горе вам» (см.: Лк. 11:42–44), обличая формализм, тщеславие и скрытую нечистоту. Реакция и эскалация следовали незамедлительно: «Один из законников говорит Ему: Учитель! говоря это, Ты и нас обижаешь» (Лк. 11:45). Это было не признанием поражения, а переходом к новому раунду, на что следовало новое обличение: Иисус обращался непосредственно к законникам с еще тремя «горе вам» (Лк. 11:46–52). Финальная реакция описывалась так: «Когда Он <...> говорил им это, книжники и фарисеи начали сильно приступать к Нему, вынуждать у Него ответы на многое, подыскивая под Него <...> что-нибудь <...>, чтобы обвинить Его» (Лк. 11:53–54). Диалог не завершался, он перерастал в состояние перманентной враждебности и поиска новых поводов для атаки (см. Табл. 1).

Табл. 1. Количественный анализ упоминаний фарисеев и саддукеев в Новом Завете

Критерий анализа	Фарисеи	Саддукеи	Комментарий / Анализ
Общая частотность (абс.)	89	14	Соотношение 6,4:1. Фарисеи — основной полемический адресат новозаветных авторов.
Распределение по книгам (кол-во упоминаний)			

²² Lotus 1–2–3. [Электронный ресурс]. Version 2.0. Cambridge (MA), 1985.

Таблица 1. Продолжение

Критерий анализа	Фарисеи	Саддукеи	Комментарий / Анализ
Евангелие от Матфея	29 (32.6%)	7 (50%)	Высокая концентрация полемики у Матфея, ориентированного на иудео-христианскую аудиторию.
Евангелие от Марка	12 (13.5%)	3 (21.4%)	Второе по частоте упоминание фарисеев.
Евангелие от Луки	27 (30.3%)	1 (7.1%)	Высокая доля упоминаний фарисеев при минимальном внимании к саддукеям.
Евангелие от Иоанна	19 (21.3%)	0 (0%)	Иоанн полемизирует с обобщенным понятием «иудеи», но не упоминает саддукеев как группу.
• Деяния Апостолов	2 (2.2%)	3 (21.4%)	В Деяниях саддукеи выступают как прямые институциональные гонители церкви (Деян. 4:1; 5:17), что объясняет их относительную частоту.
Ключевые греческие лексемы (примеры)	Φαρισαῖος (ед.ч.), Φαρισαῖοι (мн.ч.)	Σαδδουκαῖος (ед.ч.), Σαδδουκαῖοι (мн.ч.)	Терминология является прямой и единственной для обозначения данных групп в новозаветном корпусе.

Таблица 1. Окончание

Критерий анализа	Фарисеи	Саддукеи	Комментарий / Анализ
Примеры на греческом языке (ключевые фразы)	οὐαὶ ὑμῖν <...> ὑποκριταί (Мф. 23:13) γεννήματα ἐχιδνῶν (Мф. 3:7) τάφοι κεκοιμημένοι (Мф. 23:27)	πλανᾷσθε μὴ εἰδότες τὰς γραφὰς (Мф. 22:29) οἱ λέγοντες ἀνάστασιν μὴ εἶναι (Деян. 23:8)	Фарисеи: эмоциональные, моральные инвективы и обличения. Саддукеи: сдержанные, доктринальные опровержения и констатации расхождений.
Средняя тональность (по шкале от -3 до 0)	-2.1 (резко негативная)	-1.4 (умеренно негативная/доктринальная)	Рассчитана на основе присвоенных кодов для каждого упоминания. Конфликт с фарисеями эмоционально острее и личностно окрашен
Основные темы критики	Лицемерие, формализм, «предания старцев», закрытие Царства Небесного людям	Отрицание воскресения мертвых, ангелов, духовной реальности, ригористический буквализм	Темы указывают на внутрипарадигмальный (фарисеи) vs межпарадигмальный (саддукеи) характер конфликта
Наличие диалога	Присутствует — Никодим (см.: Ин. 3), Гамалиил (см.: Деян. 5:34–39)	Отсутствует — только полемические столкновения (см.: Деян. 4–5, 23)	Диалог с фарисеями возможен в рамках общей религиозно-теологической парадигмы. С саддукеями взаимодействие сводится к публичным доктринальным диспутам или прямым гонениям.

Для систематического выявления и сопоставления базовых вероучительных различий между саддукеями, фарисеями и ранним христианством (см. Табл. 2) были выделены четыре основополагающих параметра, по которым расхождения между группами носят наиболее принципиальный характер и хорошо документированы источниками:

- 1) Эсхатология и воскресение мертвых: отношение к личному посмертному воздаянию и телесному воскресению.
- 2) Ангелология и духовный мир: вера в существование ангелов, духов и нематериальной реальности.
- 3) Источник религиозного авторитета: критерий истины и нормы (исключительно письменная Тора, Тора+устное предание, христологический принцип).
- 4) **Природа мессианских ожиданий и эсхатологической надежды:** политико-национальная vs. универсально-спасительная парадигма.

Позиция каждой группы по указанным параметрам реконструируется на основе следующих источников:

Для саддукеев: Свидетельств **Иосифа Флавия** (*Иудейские древности*, XIII. 10. 6; XVIII. 1. 4; *Иудейская война*, II. 8. 14)²³ и полемических отрывков **Нового Завета** (см. напр., Мф. 22:23–33; Деян. 23:6–8).

Для фарисеев: Данных **Иосифа Флавия**²⁴, талмудической литературы (в первую очередь Мишны²⁵, с учетом более поздней фиксации традиции) и новозаветных описаний их верований (напр., Деян. 23:8; Флп. 3:5).

Для раннего христианства: Канонических текстов **Нового Завета**, рассматриваемых как репрезентативные для вероучения общины I века.

²³ См.: Иосиф Флавий. Иудейские древности. Т. 1–2; Иосиф Флавий. Иудейская война.
²⁴ См.: Там же.
²⁵ См.: Талмудъ. Мишна и Тосефта.

Табл. 2. Сравнительно-догматический анализ ключевых позиций

Доктринальный параметр	Саддукеи	Фарисеи	Ранние христиане	Характер расхождения
Эсхатология и воскресение мертвых	Отрицали (Иос. Фл., <i>Иуд. древ.</i> XVIII. 1. 4; Мф. 22:23).	Исповедовали (Иос. Фл., <i>Иуд. древ.</i> XVIII. 1.; Деян. 23:8).	Краеугольный догмат (1 Кор. 15:12–20; Мф. 22:31–32).	Абсолютное, межпарадигмальное. Столкновение разных картин мира.
Ангелология и духовный мир	Отрицали или скептически относились (Деян. 23:8).	Признавали (Деян. 23:8).	Центральный элемент веры (напр., Лк. 1–2; Деян. 12:7).	Абсолютное, межпарадигмальное. Отрицание vs. утверждение нематериальной реальности.
Источник религиозного авторитета	Письменная Тора (Пятикнижие). Отвергали Устное Предание (Иос. Фл., <i>Иуд. древ.</i> XIII. 10. 6).	Тора + Устное Предание («предания старцев») (Мк. 7:1–13).	Писание, исленное и переинтерпретированное во Христе («Но Я говорю вам», Мф. 5:22). Христологический принцип.	Фарисеи vs. Христиане: Спор об интерпретации священных текстов. Саддукеи vs. Христиане: Разный источник высшего авторитета.

Окончание таблицы на стр. 26

Таблица 2. Окончание

Доктринальный параметр	Саддукеи	Фарисеи	Ранние христиане	Характер расхождения
Мессианские ожидания	Политико-национальные, связанные с восстановлением земной власти и храмового культа.	Политико-религиозные, с акцентом на соблюдение Закона.	Универсально-спасительные, христоцентричные. Мессия — искупительная жертва (Ин. 1:29).	Фарисеи vs. Христиане: Разное понимание природы и миссии Мессии в рамках общей эсхатологии. Саддукеи vs. Христиане: Разные парадигмы (национальная vs. универсальная).
Социально-политическая база	Священническая аристократия, проримская, храмовая.	Народное движение, учителя Закона.	Народное, межэтническое движение, оппозиционное к саддукейскому ряду.	Саддукеи vs. (Фарисеи / Христиане): Антагонизм аристократии и народных движений.

Выделенные четыре параметра — эсхатология, ангелология, источник авторитета и природа мессианских ожиданий — показывают, что отношения между группами носят принципиально разный характер. Противоречия между саддукеями и ранними христианами по первым двум пунктам носят абсолютный, межпарадигмальный характер. То, что саддукеи отрицали (воскресение и духовный мир), христиане, напротив, утверждали как главные основы своей веры. Это не просто спор, а столкновение двух несовместимых картин мира. Это не спор об интерпретации в рамках общей системы, а столкновение несовместимых картин мира, что логически предопределяет невозможность содержательного диалога и объясняет «холодную», сдержанную риторику новозаветной критики в их адрес.

Напротив, конфликт между фарисеями и ранними христианами разворачивается внутри единой парадигмы иудаизма Второго Храма. Обе группы разделяли веру в воскресение, ангелов и авторитет Священного Писания. Поэтому их полемика сосредоточена не на отрицании основ, а на спорных вопросах интерпретации: соотношении Писания и устного предания, природе мессианской миссии, приоритетах религиозной практики. Именно эта глубинная общность, сочетающаяся с острой конкуренцией за право быть истинным наследником традиции, порождает исключительную эмоциональную напряженность и частоту столкновений, зафиксированных в текстах.

Итак, сравнительно-догматический анализ выполняет ключевую роль в рамках методологии исследования. Он предоставляет содержательное наполнение для последующего применения двухфакторной модели идеологических расколов, объективно обосновывая отнесение конфликта с фарисеями к типу «братской вражды» (высокая доктринальная близость), а с саддукеями — к типу «системного антагонизма» (низкая доктринальная близость). Одновременно он снабжает метод *Transitus Statim*, о котором речь пойдет позже, конкретным материалом для «переназначения»: количественная диспропорция в упоминаниях (89 против 14) переосмысливается не как признак меньшей значимости саддукеев или тактической близости к ним, а как прямое следствие той самой межпарадигмальной пропасти, которая делает содержательный спор бессмысленным. Полемика с фарисеями многочисленна и яростна именно потому, что она ведется на общей почве — за ее окончательное смысловое наполнение.

Двухфакторная модель идеологических расколов

На первый взгляд количественная асимметрия в новозаветной полемике могла быть истолкована в пользу гипотезы о тактической близости между саддукеями и ранними христианами. Если фарисеи удостоились 89 резких, эмоционально заряженных упоминаний, а саддукеи — лишь 14, и если конфликт с последними носил сдержанный, почти академический характер, то возникал соблазн заключить, что Иисус и апостолы видели в саддукеях не столь принципиальных оппонентов, как в фарисеях. Этот поверхностный симулякр «близости» через отсутствие яростной полемики формировал ядро нашей конкурирующей интерпретации. В исследовании применялся операциональный жест радикального переозначивания: мы не отрицали эмпирических данных (89 против 14), а переназначали их в совершенно иную смысловую систему координат, а именно в двухфакторную модель идеологических расколов.

Модель исходила из того, что интенсивность и характер идеологического конфликта определялись не одним, а двумя независимыми факторами. Первым фактором выступала доктринальная (идеологическая) близость — то, насколько группы разделяли общее ядро верований, ценностей, символов и принадлежали к одной «парадигме» или традиции. Вторым фактором была социальная конкуренция — то, насколько группы боролись за одни и те же ресурсы: власть, авторитет, последователей, материальные блага, политическое влияние. Комбинация этих двух факторов (высокая/низкая) давала четыре типа идеологической конфронтации (см. Табл. 3).

Первый тип, тип А, обозначался как «братская вражда». Для него была характерна высокая доктринальная близость (одна парадигма, разные интерпретации) и высокая социальная конкуренция. Конфликт в этом случае был самым острым, эмоциональным и личным. Группы сражались за право быть единственно верными наследниками общего наследия. Они говорили на одном языке, но обвиняли друг друга в измене, искажении, лицемерии. Классическим примером такого типа выступало противостояние ранних христиан и фарисеев. Обе группы верили в Писание, воскресение, ангелов, мессианские ожидания, но яростно спорили о том, кто правильно все это понимает и интерпретирует, что порождало эмоциональные инвективы («лицемеры!», «горе вам!»). К другим историческим примерам относились

ариане против никейцев (IV век) в споре о природе Христа внутри христианства, сунниты против шиитов в споре о преемнике пророка внутри ислама, католики против протестантов в эпоху Реформации, а также противостояние Сталина и Троцкого в бурные дни Советской Республики²⁶. Яростная борьба объяснялась тем, что победа оппонента в рамках *твоей же* парадигмы воспринималась как худшее: он «обкрадывал» твое наследие и дискредитировал его изнутри.

Второй тип, тип Б, определялся как «системный антагонизм». Для него была характерна низкая доктринальная близость (разные парадигмы, разные картины мира) и низкая (или опосредованная) социальная конкуренция. Характер конфликта был принципиальным, но «холодным». Группы говорили на разных языках и имели разные базовые аксиомы. Конфликт носил доктринально-мировоззренческий характер. Здесь не было «братской» злобы, потому что отсутствовало ощущение общего родства. Это была скорее констатация несовместимости. В контексте исследования таким типом являлись отношения христиан и саддукеев. Христиане верили в воскресение и ангелов, саддукеи — нет. Это был не спор об интерпретации, а отрицание самих основ мировоззрения оппонента. Полемика велась сдержанно, логично («вы заблуждаетесь, не зная Писаний»). К другим примерам можно было отнести противостояние материалистического ученого и религиозного мистика, либерала-глобалиста и традиционалиста-изоляциониста в политике, монархиста и коммуниста. Парадокс заключался в том, что конфликт мог быть глубже и непримиримее (затрагивал основы), но менее эмоционален, так как стороны не чувствовали себя частью одного целого²⁷.

Третий тип, тип В, описывался как «идеологический спор». Для него была характерна высокая доктринальная близость, но низкая социальная конкуренция. Конфликт носил академический, интеллектуальный характер. Это был спор внутри одной школы или традиции без борьбы за власть, ресурсы или паству. В качестве примера можно было привести дискуссии между разными философскими школами внутри неоплатонизма или споры богословов в университетах, не ведущие к расколу церкви.

²⁶ См.: Дойчер И. Троцкий. Изгнанный пророк. 1929—1940 гг. М., 2006; Логотова М.Г. и др. Религиозные войны во Франции XVI в. Новые источники, новые исследования, новая периодика. СПб.: М., 2015; Исаев Б.А. Теория партий и партийных систем. М., 2008.

²⁷ See: Stemberger G. Op. cit. P. 89—94; VanderKam J.C. Op. cit. P. 89—95.

Четвертый тип, тип Г, определялся как «политическое противостояние». Для него была характерна низкая доктринальная близость, но высокая социальная конкуренция. Конфликт двигался не идеологией, а политическими, экономическими интересами и борьбой за власть. Идеологические различия служили лишь оболочкой или оправданием. Примером в статье выступало противостояние ранних христиан и Римской империи с бесчинствами Нерона. Идеологии были кардинально разные (политеизм против монотеизма, культ императора против культа Христа), но конфликт разгорался, когда христианство воспринималось как угроза политической лояльности и социальному порядку. К другим примерам относился конфликт светских националистов и религиозных фундаменталистов в борьбе за власть в таких постколониальных государствах, как Алжир и Пакистан²⁸.

Научная и эвристическая ценность этой модели заключалась в нескольких аспектах. Во-первых, она снимала иллюзии поверхностной схожести. Именно эту задачу решала статья. Модель объясняла, почему критика фарисейской устной традиции со стороны саддукеев и христиан не была признаком близости. Для саддукеев это был вопрос сохранения монополии священства (Тип Б/Г), для христиан — часть спора об авторитете внутри общей парадигмы (Тип А)²⁹. Во-вторых, модель объясняла «парадокс интенсивности». Почему с фарисеями, с которыми было больше общего, конфликт был эмоционально острее (89 раз «лицемеры!»), чем с саддукеями, чьи взгляды были принципиально враждебны (только 14 упоминаний)? Модель давала четкий ответ: Тип А («Братская вражда») всегда эмоциональнее Типа Б («Системный антагонизм»). В-третьих, модель предлагала универсальный инструмент для анализа. Она была применима не только к религии, но и к политике (расколы внутри партий против борьбы между идеологиями), науке (споры внутри парадигмы против научных революций), культуре. В-четвертых, модель позволяла прогнозировать динамику конфликта. Конфликт Типа А был чреват расколами, взаимными анафемами, но также и возможностью диалога и примирения (поскольку существовала общая основа). Конфликт Типа Б часто вел к взаимному игнорированию или перманентному размежеванию. Сближение было почти невозможно без смены одной из па-

радигм. Конфликт Типа Г мог быть временно урегулирован политическим компромиссом, даже при сохранении идеологических разногласий.

Табл. 3. Матрица типов
конфронтации в парадигмах

	Высокая Социальная Конкуренция	Низкая Социальная Конкуренция
Высокая Доктриналь- ная Близость (Одна пара- дигма, раз- ные интер- претации)	Тип А: «Братская вражда» (пример: Фарисеи vs. Ранние Христиане) Характер: Острый, эмоциональный конфликт между группами, претендующими на интерпретацию одного и того же наследия. Фокус: Борьба за ортодоксальность, праведность, истинность толкований. Проявления: Личностные выпады, обвинения в отступничестве, высокая степень взаимного раздражения. Основа: Глубокое осознание общих корней и целей, что делает спор более личным и ожесточенным.	Тип В «Идеологический спор» (пример: Различные школы внутри одной философской традиции) Характер: Интенсивные, но преимущественно академические или интеллектуальные дебаты. Фокус: Доктринальные нюансы, методологические подходы, интерпретация текстов. Проявления: Аргументация, контраргументация, академическая полемика. Основа: Разделяемая парадигма, но меньшая социальная угроза или необходимость прямой борьбы за массы.

²⁸ See: Mason S. Op. cit. P. 145—150; Saldarini A.J. Op. cit. P. 45—60.
²⁹ See: Saldarini A.J. Op. cit. P. 45—60; Satlow M.L. Op. cit. P. 137—215.

Таблица 3. Окончание

	Высокая Социальная Конкуренция	Низкая Социальная Конкуренция
Низкая Доктринальная Близость (Разные парадигмы, разные ресурсы)	Тип Г: «Политическое противостояние» (пример: Римская Империя vs. Раннее Христианство) Характер: Конфликт, обусловленный политическими, социальными или экономическими интересами, а не чисто доктринальными различиями. Фокус: Контроль над ресурсами, властью, общественным порядком. Проявления: Преследования, репрессии, политическое давление. Основа: Разные системы ценностей и цели, но социальная конкуренция может быть высокой из-за угрозы установленным порядкам.	Тип Б: «Системный антагонизм» (пример: Христиане vs. Саддукеи) Характер: Фундаментальное, непримиримое противоречие на уровне базовых доктрин. Фокус: Отрицание основополагающих истин оппонента (например, воскресения, духов, личной ответственности перед Богом). Проявления: «Холодная» полемика, констатация фундаментальных расхождений, отсутствие эмоциональной вовлеченности (поскольку нет общего поля для “братской” борьбы). Основа: Группы находятся вне общего доктринального поля, их системы принципиально несовместимы.

Акт переназначения: **Transitus Statim**

Акт переназначения в совершенно иную смысловую систему координат носит название *Transitus Statim* и представляет собой авторский неологизм, сознательно сконструированный на основе конкретных и значимых латинских корней, что делает его не случайным сочетанием слов, а термином, емко инкорпорирующим суть концепции. Прямой перевод раскрывает его смысл: *Transitus* означает переход, прохождение или прехождение, то есть движение из одного состояния в другое, а *Statim* — немедленно, тотчас, без промедления. Буквально это можно передать как «немедленный переход» или «переход тотчас же». Авторское решение использовать такой неологизм обусловлено несколькими целями. Во-первых, это придание веса и серьезности концепции, ее вписывание в традицию философских и богословских терминов, таких как *creatio ex nihilo*, *actus purus* или *cogito ergo sum*. Во-вторых, это дистанцирование от затасканных современных аналогов вроде «хакинга» или «переназначения», чтобы подчеркнуть радикальную новизну и метафизический масштаб жеста. И в-третьих, создание емкого и звучного ярлыка для сложного явления, превращение *Transitus Statim* в имя собственное для данного парадоксального операционального акта, который переподчиняет симулякр, лишая его фиксированного онтологического статуса и делая его функцию зависимой от внешнего жеста субъекта³⁰.

Transitus Statim позволяет деконструировать исходный симулякр и показать, что наблюдаемая диспропорция свидетельствует не о близости, а о качественно разной природе конфликта.

Во-первых, это переназначение количественного дисбаланса: обилие упоминаний фарисеев (Тип А: «Братская вражда») есть признак высокой доктринальной близости и острой социальной конкуренции за право быть истинным наследником общей традиции. Это спор внутри семьи, отсюда его эмоциональный накал и частота. Напротив, скудость упоминаний саддукеев (Тип Б: «Системный антагонизм») отражает низкую доктринальную близость. С ними не спорят столь жаростно, потому что спор невозможен в принципе — отсутствует общее поле базовых аксиом (воскресение, ангелы, духовный мир). Их

³⁰ См.: Сахневич С.В. От теории к праксису: верификация метода *Transitus Statim* через анализ симулякров и разработку тактик // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2025. Т. 8. № 4. С. 72–74.

не опровергают снова и снова, их констатируют как носителей иной, несовместимой парадигмы.

Во-вторых, это переназначение качества полемики: сдержанная, логическая риторика в адрес саддукеев («заблуждаетесь, не зная Писаний») — это не признак уважения или солидарности, а симптом глубокого, межпарадигмального разрыва. Это холодная констатация несовместимости картин мира. Яростная же критика фарисеев («лицемеры!», «горе вам!») — это, как ни парадоксально, знак родства и общей почвы. Так спорят с теми, кто искажает твое же наследие, кто опасен именно своей близостью.

Transitus Statim осуществляет переворот в интерпретации: эмпирические данные, казалось бы работающие на гипотезу о сближении с саддукеями, через акт методологического переназначения становятся главным доказательством обратного. Незначительность и холодность полемики с саддукеями оказываются не признаком солидарности, а маркером той непреодолимой мировоззренческой пропасти, которая отделяла раннее христианство от саддукейского священнического рационализма. Напротив, интенсивность и страстность конфликта с фарисеями подтверждают, что битва велась внутри единого теологического пространства иудаизма Второго Храма за его конечный смысл и направление.

Этот аналитический жест перекликается с историческими примерами фундаментальной реорганизации, упомянутыми ранее: как Сократ совершил переход от мифоса к логосу, а апостол Павел — от Закона к Благодати, так и предлагаемый метод позволяет совершить переход от поверхностного прочтения полемики к пониманию ее глубинной логики. Transitus Statim служит, таким образом, не просто инструментом анализа, а актом разрешения исследовательского метаконфликта³¹, переводя спор о «близости-антагонизме» в плоскость системной типологии идеологического противостояния.

Заключение

Проведенное исследование позволило реконструировать идеологические границы раннего христианства через призму новозаветной полемики с ведущими иудейскими группами эпохи Второго Храма —

фарисеями и саддукеями. На основе комплексного дискурсивного анализа, количественных и качественных методов было установлено, что характер и интенсивность конфликта с каждой из этих групп принципиально различались, что опровергает гипотезу о возможном тактическом или доктринальном сближении ранних христиан с саддукеями.

Эмпирические данные выявили значительную асимметрию в новозаветных упоминаниях: фарисеи фигурируют 89 раз, тогда как саддукеи — лишь 14. Однако эта количественная диспропорция была интерпретирована не как признак меньшей конфликтности с саддукеями, а как следствие качественно разных типов идеологического противостояния. Критика в адрес фарисеев носила более эмоциональный, морально-обличительный характер, оперируя такими инвективами, как «лицемеры» (ὕποκριται) и «горе вам» (οὐαὶ ὑμῖν). Это свидетельствовало о ведении спора в рамках *разделяемой этической и нормативной системы*, где обвинения касались неверного исполнения общих религиозных принципов. Конфликты с фарисеями разворачивались преимущественно в сфере религиозной практики и ее интерпретации (суббота, ритуальная чистота, пост), что указывало на общее признание значимости Закона при различном понимании его приоритетов.

В противоположность этому, полемика с саддукеями была сдержанной, рационально-доктринальной, сфокусированной на фундаментальных мировоззренческих расхождениях: отрицании воскресения мертвых, существования ангелов и духов. Ключевые формулировки, такие как «заблуждаетесь, не зная Писаний» (πλανᾷσθε μὴ εἰδότες τὰς γραφάς), маркировали не моральную оценку, а *эпистемологическую и доктринальную несовместимость*. Структура взаимодействия также различалась: диалог с саддукеями сводился к лаконичному логическому опровержению, тогда как с фарисеями он выстраивался в виде нарастающей полемической спирали, переходящей в состояние перманентной конфронтации.

Для объяснения этой дихотомии была применена двухфакторная модель идеологических расколов, рассматривающая интенсивность конфликта через призму доктринальной близости и социальной конкуренции. Согласно модели, противостояние с фарисеями

³¹ См.: Сахневич С.В. Transitus statim: преодоление метаконфликта через операциональный жест переназначения симулякра // Вестник МИРБИС. 2025. № 4 (44). С. 204.

относится к Типу А — «Братская вражда», для которого характерны высокая доктринальная близость (общая парадигма иудаизма Второго Храма) и высокая социальная конкуренция (борьба за право быть истинным наследником традиции). Именно это объясняет эмоциональную остроту и частоту полемики. Взаимодействие же с саддукеями соответствует Типу Б — «Системный антагонизм», где низкая доктринальная близость (разные парадигмы) сочетается с низкой или опосредованной социальной конкуренцией. Конфликт здесь носит не эмоциональный, а мировоззренческий характер, представляя собой констатацию фундаментальной несовместимости картин мира.

Методологическим ключом, позволившим осуществить переинтерпретацию эмпирических данных, выступил *Transitus Statim* — операциональный жест радикального переназначения смыслов. Этот метод позволил деконструировать поверхностный симулякр «близости через отсутствие яростной полемики» и продемонстрировать, что скудость и холодность критики в адрес саддукеев являются не признаком солидарности, а маркером непреодолимой идеологической пропасти между раннехристианским движением и саддукейским священническим рационализмом. Напротив, интенсивность конфликта с фарисеями подтверждает их глубинную включенность в общее теологическое пространство, внутри которого и происходила битва за конечный смысл и направление развития иудейской традиции.

Исследование не только опровергает гипотезу о тактическом сближении ранних христиан с саддукеями, но и вносит вклад в более широкую дискуссию о природе религиозных расколов и формирования идеологических границ. Показано, что наиболее острые и эмоционально насыщенные конфликты возникают не между принципиально чуждыми системами, а внутри единой парадигмы — между группами, претендующими на право ее аутентичной интерпретации. Раннее христианство, утверждая себя как исполнение мессианских ожиданий, остро полемизировало с фарисейской традицией именно потому, что видело в ней самого близкого и, следовательно, самого опасного конкурента в борьбе за наследие Израиля. С саддукеями же, чье мировоззрение отрицало саму возможность такого исполнения, диалог был невозможен в прин-

ципе — здесь имел место не спор, а констатация взаимного идеологического исключения.

Полученные результаты обладают значительным эвристическим потенциалом и открывают перспективы для дальнейших исследований механизмов формирования религиозной идентичности, динамики внутриконфессиональных конфликтов и методологии анализа историко-религиозных текстов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дойчер И. Троцкий. Изгнанный пророк. 1929—1940 гг. / пер. с англ. А. С. Цыпленкова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. 527 с.
2. Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. Т. 1: А—Л / сост. И. Х. Дворецкий. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. 1043 с.
3. Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. Т. 2: М—Ω / сост. И. Х. Дворецкий. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. 1044—1904 с.
4. Иосиф Флавий. Иудейская война. М.: Мосты культуры, 2008. 522 с.
5. Иосиф Флавий. Иудейские древности: в 2 т. Т. 1. СПб.: Типо-Лит. А. Е. Ландау, 1900. IX + 717 с.
6. Иосиф Флавий. Иудейские древности: в 2 т. Т. 2. СПб.: Типо-Лит. А. Е. Ландау, 1900. 420 + XXXII + XXI с.
7. Исаев Б. А. Теория партий и партийных систем. М.: Аспект Пресс, 2008. 367 с.
8. Логотова М. Г. и др. Религиозные войны во Франции XVI в. Новые источники, новые исследования, новая периодизация / сост. Ю. Досси, В. В. Шишкин; пер. с фр. М. В. Аникиева и др. СПб.; М.: Евразия; Клио, 2015. 352 с.
9. Новый Завет. Синодальный перевод. М.: Российское Библейское Общество, 2015. 1408 с.
10. Сахневич С. В. *Transitus statim*: преодоление метаconfликта через операциональный жест переназначения симулякра // Вестник МИРБИС. 2025. № 4 (44). С. 194—208.
11. Сахневич С. В. От теории к практике: верификация метода *Transitus Statim* через анализ симулякров и разработку тактик // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2025. Т. 8. № 4. С. 62—82.
12. Талмудъ. Мишна и Тосефта. Томъ Первый / Критический переводъ Н. Переферковича. Изд. второе. СПб.: Издание П. П. Сойкина, 1902. 414 с.

13. Филон Александрийский. Против Флакка. О посольстве к Гаю. Иосиф Флавий. О древности еврейского народа. Против Апиона / пер. и прим. Филона Александрийского — О.Л. Левинской; пер. и прим. Иосифа Флавия — А.В. Вдовиченко. М.; Иерусалим: Мосты культуры, 1994. 222 + 168 с.
14. Barclay J. M. G. Paul and the Gift. Grand Rapids (MI): Wm. B. Eerdmans, 2015. 656 p.
15. Corley K. E. Private Women, Public Meals: Social Conflict in the Synoptic Tradition. Peabody (MA): Hendrickson Publishers, 1993. 217 p.
16. Greek New Testament (Nestle-Aland 28). [Электронный ресурс]. Logos Bible Software. Version 9.0. Bellingham (WA): Faithlife, 2017.
17. Himmelfarb M. A Kingdom of Priests: Ancestry and Merit in Ancient Judaism. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2006. 287 p.
18. Journal for the Study of Judaism. 2014. Vol. 45. No. 3. Special Issue: Sects and Society in the Second Temple Period. pp. 301–320.
19. Lotus 1–2–3. [Электронный ресурс]. Version 2.0. Cambridge (MA): Lotus Development Corporation, 1985.
20. Mason S. Josephus and the New Testament. Peabody (MA): Hendrickson Publishers, 1992. 254 p.
21. Nestle E., Aland K. Novum Testamentum Graece. 28 Auflage. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 2012. 1016 p.
22. Newman H. Proximity to Power and Jewish Sectarian Groups of the Ancient Period. A Review of Lifestyle, Values, and Halakhah in the Pharisees, Sadducees, Essenes, and Qumran. Leiden; Boston: Brill, 2006. 332 p.
23. Novum Testamentum. 2014. Vol. 56. No. 2. Early Christianity and Jewish Groups: Revisiting the Boundaries. pp. 123–145.
24. Saldarini A. J. Pharisees, Scribes and Sadducees in Palestinian Society: A Sociological Approach. Grand Rapids (MI); Livonia (MI); Cambridge: William B. Eerdmans; Dove Booksellers, 2001. 352 p.
25. Satlow M. L. How the Bible Became Holy. New Haven; London: Yale University Press, 2014. 350 p.
26. Stemberger G. Jewish Contemporaries of Jesus: Pharisees, Sadducees, Essenes. Minneapolis: Fortress Press, 1995. 161 p.
27. Stroumsa G. G. The Making of the Abrahamic Religions in Late Antiquity. Oxford: Oxford University Press, 2015. 210 p.
28. VanderKam J. C. The Dead Sea Scrolls and the Bible. Grand Rapids (MI): William B. Eerdmans, 2012. 188 p.

*Статья поступила в редакцию 20.10.2025,
одобрена после рецензирования 24.03.2026,
принята к публикации 24.04.2026.*

Article

UDC 27-246+27-9|00/01|+26|652|-86Ф+26|652|-86С

For citation:

Sakhnevich S. Ideologicheskiye granitsy rannego khris-tianstva: novozavetnaya polemika s saddukeyami i fariseyami v sravnitel'no-istoricheskoy perspektive [Ideological boundaries of early Christianity: Tew Eestament polemics against the sad-ducees and pharisees in a comparative-historical perspective] // Trudy Saratovskoy Pravoslavnoj Duhovnoj Seminarii [Proceedings of the Saratov Orthodox Theological Seminary]. 2026. No. 2 (33). pp. 13–41.

DOI: 10.56621/27825884_2026_33_13

Sergey Sakhnevich,

Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Linguistics,
Institute of Business Career,
32 Nizhegorodskaya str., bl. 5,
Moscow, 109029, Russian Federation
crash68@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2068-9250

Ideological Boundaries of Early Christianity: Tew Eestament Polemics Against the Sadducees and Pharisees in a Comparative-Historical Perspective

S. SAKHNEVICH

Abstract: The study is devoted to analyzing the ideological boundaries of early Christianity within the context of its New Testament polemics against two key Jewish movements of the Second Temple period: the Pharisees and the Sadducees. The aim of the work is to test the hypothesis of a possible tactical or doctrinal rapprochement between the first Christians and the Sadducees, based on a number of external parallels, such as shared criticism of the Pharisaic oral tradition. The methodological framework includes comprehensive discourse analysis, quantitative content analysis of references in the Greek New Testament text (Nestle-Aland 28), as well as comparative-doctrinal and historical-critical analysis. The results revealed a significant quantitative asymmetry: the Pharisees are mentioned 89 times, while the Sadducees are mentioned only 14 times. However, qualitative analysis demonstrated a fundamental difference in the nature of the conflict: the polemic against the Pharisees is emotionally accusatory and conducted within a shared ethical framework, whereas criticism of the Sadducees is restrained and focused on fundamental doctrinal differences (denial of resurrection, angels). To interpret the data, a two-factor model of ideological schisms was applied, which classifies the conflict with the Pharisees as «fraternal enmity» (high doctrinal affinity, high competition) and with the Sadducees as «systemic antagonism» (low doctrinal affinity). The Transitus Statim method